

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru, www.tupikina.com, 89096777974

Дубровский

(инсценировка одноимённого романа А.С.Пушкина)

Скалли – 25 лет

Малдер – 25 лет

Шеф – 50 лет

ШЕФ. Ну что, готовы? Упасть в неизвестное. Примерить мистическое. Детектив Скалли?

СКАЛЛИ. Интересная история. Но какая-то...

МАЛДЕР. Да, какая-то...

ШЕФ. Простая?

СКАЛЛИ. Точно, простая.

МАЛДЕР. Лёгкая.

ШЕФ. То есть, вам всё понятно?

МАЛДЕР. А что там непонятного? Криминал: разбойник Дубровский грабил всех подряд помещиков. Его так и не поймали, сумел бежать.

СКАЛЛИ. Плохо тогда работали стражи порядка. Как можно было его упустить? Вся банда – бывшие крестьяне, то есть, любители. Вот как такое возможно, что профессионалы упустили любителей?

ШЕФ. Упустили.

СКАЛЛИ. И потом, нет материалов о том, как шло следствие, какие мероприятия были произведены, какие улики собраны.

МАЛДЕР. Такое впечатление, что за бандой никто не охотился. У нас нет никаких сведений об этом.

ШЕФ. Вы правы, у нас нет сведений о том, как работало следствие. Зато у нас есть кое-какая информация о главаре - благородном разбойнике, легенде, почти что Робин Гуде – Владимире Дубровском. Давайте погрузимся в психологию этого человека, попытаемся его нащупать. Ведь работа детектива – это работа психолога, тонкого знатока человеческих душ. Нужно понимать человека, чувствовать его мотивы, его логику. Тем более, вы теперь владеете таким мощным инструментом.

СКАЛЛИ. Вы имеете в виду способность перевоплощаться в давно умерших свидетелей, шеф?

ШЕФ. Именно, Скалли, именно. Теперь, когда вы можете вызвать умершего и допросить его, взять показания – теперь-то вы и станете детективами экстра-класса.

МАЛДЕР. Йохоу! Класс!

ШЕФ. Спокойно, Малдер. Вы оба ещё не сдали экзамен. Это дело и станет вашим экзаменом. Я тоже включусь и помогу вам.

МАЛДЕР. Спасибо, шеф!

ШЕФ. И самая главная задача – раскусить Дубровского. Кто он, что за человек, какие цели преследовал?

СКАЛЛИ. Мы постараемся выдержать экзамен, шеф, и оправдать ваше доверие.

ШЕФ. Надеюсь, Скалли, надеюсь, что вместе мы справимся. Итак, экзамен начинается прямо сейчас. Малдер, вызывай первого свидетеля.

Малдер перевоплощается в писаря Горемыко.

СКАЛЛИ. Показания писаря Горемыко Власа, село Покровское. Итак, гражданин Горемыко, опишите ситуацию.

ГОРЕМЫКО. В уезде нашем появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые противу них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следуют одно за другим. Нет безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек с разбойниками разъезжают днём по всей губернии - останавливают путешественников и почту, приезжают в сёлы, грабят помещичьи дома и предают их огню. Но у нашего батюшки Кирила Петровича Троекурова поместья пощажены. Разбойники не ограбили у нас ни единого сарая, не остановили ни единого воза. И то сказать, отменно хорошая полиция заведена нашим батюшкой в деревнях его. Или бог бережёт, не иначе. Потому как, его бы первого должны грабить. Предводитель шайки – младший Дубровский.

СКАЛЛИ. Что вы можете рассказать об отношениях Владимира Дубровского и вашего барина Троекурова.

ГОРЕМЫКО. Враги они. И то сказать, барина Дубровского понять можно. За батюшку своего обиделись, за покойного Андрея Гаврилыча.

СКАЛЛИ. Что произошло между Дубровским-старшим и Троекуровым?

ГОРЕМЫКО. Именье не поделили. Батюшка наш Кирила Петрович захотели имение взять, село Кистенёвку, где, значит, Дубровские проживали.

СКАЛЛИ. Купить?

ГОРЕМЫКО. Зачем купить? Взять. В том-то и сила, что безо всякого права имение отнять захотели. И не мудрено: сельцо-то раньше принадлежало им, значит, Троекуровым, а потом продано было Дубровским. А у тех бумаги-то и сгорели при пожаре, и Кирила Петрович знали. И позвали они заседателя Шабашкина, чтоб, значит, он всё дело ему провернул. А он что, наживу почувствовал, и давай ябеды строчить. Ну и до уездного судьи дошло. А энтю свой человек для Кирилы Петровича, судья-то.

СКАЛЛИ. Расскажите, как такое могло произойти, ведь Дубровский-старший и Троекуров были друзья.

ГОРЕМЫКО. И близкие друзья-с. Надобно немного поведать о нашем Кириле Петровиче. Ведь он старинной русской барин. Богатый, знатного рода, со связями, все угождают ему - все соседи. Чиновники трепещут, боятся. Сила. Большой человек-с. Дом – полная чаша, с утра до вечера гости, пиры, все готовы всегда тешить его буйную праздность. Ну и Кирила Петрович избаловался, конечно. Полную волю себе позволили. Два раза за неделю обжорство, каждый вечер навеселе. В одном флигеле шестнадцать горничных поселил. Баловался с ними, они детей рожали, полный двор у нас детишек-то бегают, все как один с лица Кирилы Петрович. С крестьянами и дворовыми строг и весьма строг, но они все дерзкие с соседями, знают, что Кирила Петрович завсегда заступится. Да и то сказать – на барина смотрели. Батюшка Троекуров-то наш проказник известный. Обыкновенно жертвою берёт нового знаконца, но и старые все не избегают. За исключением Андрея Гаврилыча, Дубровского то есть – только его не трогал.

СКАЛЛИ. Проказник? Что вы имеете в виду?

ГОРЕМЫКО. Да взять хоть медведей – любит их, собирает медвежат, с кошками, щенятами срашивает. А вырастет – на цепь посадит. Или велит

вывести пред окна и подкатить порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями. Медведь обнюхивает ее, потом тихонько трогает, лапы-то колет, осердясь, толкает сильнее, больно ему. Тогда становится бешенный от боли, бросается на бочку, ревет, покаместь не отымают её. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, силою сажали в неё гостей, и пускали их скакать на волю божию. Вот такие забавы-с.

СКАЛЛИ. Так он поступал и с Дубровским-старшим?

ГОРЕМЫКО. С Андреем-то Гаврилычем? Не-е-ет, ни в коем случае. Андрей-то Гаврилыч у него один друг был, хоть и бедный, всего-то семьдесят душ. Это старинный товарищ его, с молодости, служили вместе. По бедности Андрей Гаврилыч в отставку поручиком вышел. А наш Кирила Петрович до генерал-аншефа дослужились, потом уж в именье приехали. С тех пор они не разлей вода, каждый день вместе. Да и то сказать, ровесники, воспитаны одинаково, оба вдовцы – у Кирила Петровича дочка – Маша, а у Андрея-то Гаврилыча сынок – Володя Дубровский, тот, значит, кто у нас теперь главарь банды. Кирила-то Петрович часто Андрею Гаврилычу говорил: мол, коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу, даром что гол как сокол. Но только Андрей Гаврилыч не соглашался: мол, бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки. И держал себя независимо, всегда за столом прямо говорил мнение своё, а другие боялись. Но только Дубровскому Кирила Петрович позволял, остальных мог так пугнуть, что отбивало охоту им рот открывать. Но случай расстроил всё и переменял.

Псарня, лают собаки, Троекуров (Шеф), Дубровский-старший (Малдер) и Парамошка (Скалли) ходят и рассматривают собак.

ТРОЕКУРОВ. Ну-ка, угадай-ка, сколько у меня тут их, Андрей Гаврилыч.

ПАРАМОШКА. Так пять сотен уже бог послал.

ДУБРОВСКИЙ-СТАРШИЙ. Было недавно возле пяти сотен.

ТРОЕКУРОВ. Да, угадал, брат, угадал. Оценились три суки на днях, одна гончая да пара борзых, да такие хорошие щенки, яблоки, а не щенки! (*Парамошке*) Как Жозефина, кстати?

ПАРАМОШКА. Здравствует, ваше сиятельство, доктор приходили, примочки прописали, оклемалась Жозефинушка, лопала с большим аппетитом.

ТРОЕКУРОВ. А это вот лазарет мой, посмотри, брат, не всяк человек может лежать в таком лазарете!

ПАРАМОШКА. Не всяк человек достоин быть гончей или борзой вашего сиятельства!

ДУБРОВСКИЙ-СТАРШИЙ. Да видал я уже сто раз твой лазарет, брат Кирила Петрович, каждую неделю смотрим.

ТРОЕКУРОВ. А вот посмотри, стены какие – из дуба сделаны стены, где ты видал такие лазареты? У нас в городе из гнилых сосновых досок, щели в палец толщиной.

ПАРАМОШКА. А у нас печкою топится, благодать! Собаки довольные-предовольные, так и хотят благодарить ваше сиятельство, вы для них как святой угодник.

ДУБРОВСКИЙ-СТАРШИЙ. И люди с завистью на собак глядят.

ТРОЕКУРОВ. Ах ты моя радость, ангел мой, Трезор! Уж коли напишу завещание, оставлю Трезору содержанье, весьма умный пёс, медведя за пять вёрст чует. Парамошка, бархатную подушку Трезору.

ПАРАМОШКА. Слушаю, ваше сиятельство! А где взять бархатную подушку?

ТРОЕКУРОВ. У барышни возьми, у ней на диване полно валяется, скажи, я велел. И пусть девки вышьют имя его – Трезор. Что же ты хмуришься, брат, или псарня моя тебе не нравится?

ДУБРОВСКИЙ-СТАРШИЙ. Чудная псарня, вряд людям твоим житье такое ж, как этим собакам.

ПАРАМОШКА. Мы на своё житье, благодаря бога и барина, не жалуемся. А что правда - то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее, и теплее.

ТРОЕКУРОВ. Ха-ха-ха, каков Парамошка! Ну что, рот до ушей, неси щенят Жозефиновских.

ПАРАМОШКА. Да вот они, ваше сиятельство.

Дубровский-старший незаметно уходит.

ТРОЕКУРОВ. Хорошие какие, крепкие. У сего прикус не тот. А этот каков, а! Огонь! А этот на мамку похож, но вялый больно, не для дела. Сих двоих выбираю, остальных топи. Как Вальтер нынче? Питался?

ПАРАМОШКА. Малость задумчивый, как не в себе, ваше сиятельство. Будто о том свете думает.

ТРОЕКУРОВ. Мяса больше дай.

ШЕФ. Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать, и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нём. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Сроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как ещё сидели за столом, и доложил, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгорячённый наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал, Кирила Петрович встал из-за стола, отпустил гостей и отправился спать. На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником.

МАЛДЕР. Государь мой премилостивый, я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете вы мне псаря Парамошку с повинною. А будет моя воля наказать его или помиловать, а терпеть шулки от ваших холопьев не намерен, да и от вас их не стерплю - потому что я не шут, а старинный дворянин. Засим остаюсь покорным ко услугам, Андрей Дубровский.

ШЕФ. Как! Высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! Да что он, в самом деле, задумал? Да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется у меня, узнает, каково идти на Троекурова!

СКАЛЛИ. Кирила Петрович оделся и выехал на охоту, с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца, и того протравили. Обед в поле под палаткою также не удался.

ШЕФ. Во весь день видели одного только зайца, и того протравили. Эх! Прошло время.

МАЛДЕР. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение. Дубровский объезжал однажды малое своё владение. Возле берёзовой рощи услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Это были мужики Троекурова, они спокойно воровали его лес. Они бросились было бежать, но Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привёл связанных к себе на двор. Прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом - и решился проучить своих пленников прутьями, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

ШЕФ. Слух о сём происшествии в тот же день дошел до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистенёвку, разорить её дотла. Таковые подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

СКАЛЛИ. Я не понимаю.

ШЕФ. Так.

СКАЛЛИ. Не понимаю, почему они так быстро поссорились. Вот как так? Дружили-дружили много лет, а потом вдрызг. Ведь то, что Троекуров сделал – это же рейдерский захват. Ведь он отсудил дом у своего лучшего друга! У лучшего друга!

ШЕФ. А ты что, Малдер, думаешь?

МАЛДЕР. Мы как-то с другом подрались. Там как было: он мне, типа, тачка у тебя отстой. Я ему: как это отстой? Он говорит, ну так, отстой. Очень плохая машина у тебя. На таких только неудачники ездят. Я говорю, да ладно, у меня там такие колонки, сабвуферы и всё такое, она вибрирует, когда музыку врубаю. А он говорит, все неудачники так делают. Ну я и врезал. А он мне. Но что характерно: я за неделю до того сказал ему, что, мол, девушка твоя на троечку. Готовит невкусно, одевается по-колхозному. Это потом уже вспомнил, что так сказал. И ещё сказал ему, что, мол, бицуха у тебя так себе, у меня больше, потому что жму больше. Ну и зубы, мол, жёлтые у тебя, чё денег нет зубы отбелить?

СКАЛЛИ. Странно, что он тебе нос не сломал после всего этого.

МАЛДЕР. Я думал, ну мы же друзья, друзья должны правду говорить.

ШЕФ. Сделай предположение, Малдер.

МАЛДЕР. Моё предположение такое: у них давно тёрки были, у Дубровского-старшего и Троекурова. А этот Парамошка – просто последняя капля.

ШЕФ. Можешь ли ты спросить об этом самого Андрея Гавриловича Дубровского?

МАЛДЕР (*после паузы*). Он говорит, что друг его очень изменился. В молодости Троекуров был другим. Но потом война, военные походы – всё это ожесточает человека. И большие деньги испортили его. Все эти унижения, которым он подвергал других людей... Они не бунтовали, они как рабы боялись его. И Кирила Петрович вошёл во вкус. Мне было неприятно смотреть на это. Но приходилось. В какой-то момент заметил, что и сам становлюсь похож на

Троекурова. И тогда я решил меньше видеться с ним, чтобы сохранить себя, свою честь. И тут Парамошка и унижение от дворового человека. Больше не мог терпеть. Не мог себя предать ему, Троеурову. А они читают: «Уездный суд рассматривал дело о неправильном владении гвардии поручиком Андреем Гавриловым сыном Дубровским именем, принадлежащим генерал-аншефу Кириллу Петрову сыну Троеурову». Неправильном владении. Неправильном владении! «Напротив же сего генерал-аншеф Кирила Петров сын Троеуров третьего генваря сего года взошёл в сей суд с прошением, что хотя помянутый гвардии поручик Андрей Дубровский и представил при учинённом следствии к делу сему выданную покойным его отцом Гаврилом Дубровским доверенность на запроданное ему имение, но по оной не только подлинной купчей, но даже и на совершение когда-либо оной никаких ясных доказательств по силе генерального регламента 19 главы и указа 1752 года ноября 29 дня не представил. Следовательно, самая доверенность ныне, за смертью самого дателя оной, отца его, совершенно уничтожается». Уничтожается. Уничтожается! Секретарь подходит ко мне и приглашает подписать моё полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния чувствую я по совести, что дело моё есть правое, и я намерен в положенное законами время просить по апелляции куда следует. Подписать. Подписать. Я поднимаю голову и вижу собак. Собаки! Собаки бегают по церкви! Как! Не почитать церковь Божию! Прочь, хамово племя! Я вас уже проучу! Слыхано дело, ваше превосходительство, псаря вводят собак в Божию церковь! Собаки бегают по церкви!

ШЕФ. Бросил чернильницей в заседателя. Сторожа сбежались на шум и насилию им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троеуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

Скалли в роли няни.

НЯНЯ. Государь ты наш, Владимир Андреевич, я, твоя старая нянька, решила тебе доложить о здоровьи папенькином. Он очень плох, иногда заговаривается, и весь день сидит как дитя глупое - а в животе и смерти бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начала Кирилу Петровичу Троеурову - потому что мы, дескать, ихние, а мы искони ваши, и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. Остаюся твоя верная раба, нянька Орина Егоровна Бузырева. Посылаю моё материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот уже друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня.

Малдер перевоплощается во Владимира Дубровского. Он едет из Петербурга в Кистенёвку. Шеф в роли Антона.

ДУБРОВСКИЙ. Старый кучер Антон ждал меня. Здорово, брат!

АНТОН. Барин! Каково поживаете? Един облик с Андреем Гаврилычем!

ДУБРОВСКИЙ. А помнишь, Антон, ты ухаживал за моей маленькой лошадкой, когда я был ребёнком?

АНТОН. Помню, барин, как не помнить. Слава те господи, увидите батюшку вашего, он покамест жив.

ДУБРОВСКИЙ. Поехали, не медля. *(они едут в телеге)* Правда ли, Антон, что Троекуров отымаёт у нас имение?

АНТОН. Ох, барин, слышали так и мы. На днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять, вот ужо приберет вас к рукам Кирила Петрович. Не поздоровится.

ДУБРОВСКИЙ. Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

АНТОН. Господь упаси и избави - у него часом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкурку, да и мясо-то отдерёт. Нет, дай бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж бог его приберет, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем. А вот и Покровское проезжаем.

ДУБРОВСКИЙ. Я узнал сии места - вспомнил, что на сём самом холму играл я с маленькой Машей Троекуровой, которая чуть меня моложе и тогда уже обещала быть красавицей. Но Антон ударил лошадей, и мы быстро проехали Покровское. И вот уже въезжаем в родную Кистенёвку. Берёзовая роща, и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею. Сердце моё забилось - 12 лет не видал я родины. Берёзки, которые тогда только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, превратился в некошанный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Дворня высыпала из людских изб, насилу смог продрасться сквозь их усердную толпу. *(выходит из телеги и забегает на крыльцо, навстречу ему няня, обнимает его и плачет)* Здорово, здорово, няня, что батюшка, где он? Каков он?

НЯНЯ. Давеча соскочил с постели, босой, «Где Володька?» - говорит. И ноги-то ослабли, подкосились. Зачем, говорю, поднялся, на ногах не стоишь, а туда же, куда и люди. Вот же несчастье господь послал. Мысли мешаются у него, говорит без связи, наказание божие на нас, ужо я и в церкву ходила.

ДУБРОВСКИЙ. Я к нему.

НЯНЯ. Погоди, спит, спит родной. Ты только тихонько.

Дубровский заходит в дом. На дрожках едет Троекуров (Шеф).

ТРОЕКУРОВ. Тёмно на душе. Разделался с соседом, показал силу. Да, я сильней тебя, ты мышка, когда я лев. Помни. Верну твоё имение. Помирюсь. Кто старое помянет – тому глаз вон. Ты вспылал, я вспылал. Мы вспылили. А теперь помиримся, брат. *(дрожки въезжают во двор Дубровских, из окна выглядывает Дубровский-старший в колпаке и ночной сорочке)* А теперь помиримся, брат!

Дубровский-старший, видя Троекурова, краснеет и бледнеет, он испуган и разгневан, мычит и показывает пальцем на подъехавшего, потом падает.

А теперь помиримся, брат! Помиримся! Я приехал мириться!

Из окна выглядывает Владимир Дубровский.

ДУБРОВСКИЙ. Няня, скорей за лекарем пошли! С папенькой удар! И скажите Кирилу Петровичу, чтоб он немедля убирался, пока я не велел его выгнать со двора.

Троекуров меняется в лице и оглядывает дворню со злостью.

Не надобно лекаря. Батюшка помер.

Няня взвыла. Троекуров уезжает. Дубровского-старшего хоронят.

ДУБРОВСКИЙ. Вот и похоронили мы батюшку, в старом мундире, который сшили в 1797 году. Вот и похоронили мы батюшку. Вот и похоронили. Вот. И в тот же день приехали они. Иду с похорон – шум, говор. Что такое? У сарая две тройки. На крыльце какие-то люди в мундирных сертуках. Антон говорит: “Ах, батюшка Владимир Андреевич, суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!” И все люди мои окружили меня, плачут, руки целуют. “Отец наш! Не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, с судом мы управимся. Умрём, а не выдадим”. Управимся, говорят. Управимся. Как управимся? Подхожу к ним. Стоит этот Шабашкин, что фальшивую бумагу помог Троекурову справить, стоит с картузом на голове, подбочась. Исправник, высокой и толстый такой, лет пятидесяти с красным лицом: “Итак, повторяю то, что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кирилу Петровичу Троекурову, коего лицо представляет здесь господин Шабашкин. Слушайте его во всём, что ни прикажет, а вы, бабы, любите и почитайте его, а он до вас большой охотник, ха-ха-ха! “ Гадина. Жирная гадина. “Но вы могли бы, - говорю, - Кажется, отнести ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику отрешение от власти”. И тогда Шабашкин мне говорит: “А ты кто таков? Бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею божиею помре, а вас мы не знаем, да и знать не хотим”. Тишина, все мои люди смотрят во все глаза. Тут Архип, кузнец, говорит из толпы: “Владимир Андреевич - наш молодой барин”. “Кто там смел рот разинуть! Какой барин, какой Владимир Андреевич, барин ваш Кирилла Петрович Троекуров! Слышите ли, олухи!” “Как не так, - говорит Архип”. “Да это бунт! – кричит толстомордый. - Гей, староста сюда!” Староста наш выступил вперёд, велели они ему отыскать того, кто посмел возражать исправнику. Староста не знал, что делать, обратился к людям, мол, кто говорил? Кто? Кто посмел? Но все молчали. А потом в задних рядах поднялся ропот, громче и громче, и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос, и хотел было их уговаривать. “Да что на него смотреть, - закричали мои дворовые, - Ребята! Долой их!” И вся толпа двинулась. Все эти приехавшие спрятались в доме, заперлись. Мои могли сломать дверь. “Стойте! - крикнул я им. - Дураки! Что это вы? Губите и себя, и меня. Ступайте по дворам. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать”. Они утихли, поверили мне. Разошлись. Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо, стал благодарить меня, совсем другим голосом стал благодарить. «Мы решили, - говорит, - С вашего дозволения остаться здесь ночевать, а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас в дороге”. “Делайте, что хотите, - говорю, - Я здесь уже не хозяин”. И заперся в кабинете у батюшки. Я так устал в тот день. Не было сил. Не было сил. Сил не было.

ШЕФ. Похож ли этот человек на разбойника, Скалли?

СКАЛЛИ. Нет, не похож. Он страшно унижен всей этой ситуацией. Смотрите, это совсем молодой человек, ему всего двадцать два года. Он закончил Кадетский корпус и служит корнетом в гвардии.

МАЛДЕР. Что такое корнет?

СКАЛЛИ. Это младший офицерский чин в кавалерии. Он офицер, у него лошадь, камердинер...

МАЛДЕР. Что такое камердинер?

СКАЛЛИ. Господи, Малдер, неужели нельзя погуглить? Камердинер - комнатный слуга при господине. Его обязанности - помогать в ежедневных заботах: приносить еду, наполнять ванну, брить и так далее.

МАЛДЕР. Потрясающе.

СКАЛЛИ. Отец присылает деньги, достаточно денег, которые можно тратить на карточные игры, вино, янтарные трубки, женщин. Дубровский тратит щедро, даже берёт в долг, не заботясь о будущем. Вот, тут приложены долговые расписки. Рано или поздно найдётся богатая невеста, и тогда долги можно будет отдать. Будущее прекрасно. Впереди только хорошее.

МАЛДЕР. Наивный.

СКАЛЛИ. И вот такой мажор, молодой совсем пацан, оказывается ни с чем. Теперь у него вообще нет денег, нет даже этого маленького имения, нет дома, нит ничего. Бомж. Богатая невеста не поможет - богатые невесты не выходят за бомжей.

ШЕФ. Он мог бы сделать так, как говорит крестьянам: начать жаловаться, добиваться пересмотра дела. Или может плюнуть на всё и пойти служить чиновником. Есть такое дело - о пропавшей шинели. Пострадавший там - мелкий чиновник Акакий Акакиевич, который служил самым мелким клерком - по сути он был человеком-ксероксом. Тогда копировальной техники не было, и принтеров не было, так что они просто переписывали от руки. И вот этот Акакий Акакиевич тоже переписывал. Жалование получал очень маленькое, хватало только на самую дешёвую еду. На шинель копил несколько лет. Зимняя одежда ему нужна была, в Петербурге холодно. И вот эту шинель с него содрали грабители на улице. И он умер потом от расстройства.

СКАЛЛИ. И что вы хотите сказать, шеф, что наш Дубровский тоже мог бы стать таким жалким чиновником? С его-то привычками, с его-то красотой и честолюбием?

МАЛДЕР. Что такое честолюбие, Скалли?

СКАЛЛИ. А как ты думаешь, Малдер? Как ты думаешь? Ты думаешь, вообще?

МАЛДЕР. Думаю, конечно. Я думаю, честолюбие - это любовь к чистоте.

ШЕФ. Пять баллов, Малдер.

СКАЛЛИ. К чистоте? А ты в школе учился? Ты отличаешь, вообще, слово чистота от слова честь? Честь, Малдер! Честолюбие - от слов честь и любовь!

МАЛДЕР. А что так нервничать?

ШЕФ. Скажи мне, Скалли, был ли Дубровский обычным человеком или он был выдающимся человеком?

СКАЛЛИ. Думаю, он был выдающимся. Это герой. Робин Гуд. Граф Монтекресто. Он отомстил за унижение.

МАЛДЕР. Он такой же Монте-Кристо как я балерина.

ШЕФ. Ну что же, давайте посмотрим, как он отомстил. Всё началось с...

СКАЛЛИ. С пожара.

Кабинет Дубровского-старшего. Дубровский со свечой роется в бумагах отца, находит письма. Скалли в роли мамы.

МАМА. Дражайший мой Андрюшенька, письмо твоё получила двадцать восьмого сентября. Мы здоровы, благодаря бога. Володенька не болеет, резвится по комнатам и во дворе. Чудо какой мальчик! Глазки востреньки, натура лёгкая, светлая, ангельская. Ежели разобьёт чего, так и бог с ним, мы не сердимся с няней, на счастье бьёт. Нынче спросил: где папа? Он же начал говорить, совсем большой. А мы говорим: батюшка твой на войне, в Турецком походе. Сабелькой там машет: ух, ух! И Володенька тогда со двора палку притащил и сею палкою машет: ух, ух! Уж как мы с нянею смеялись! Каждый день лампадку зажигаю, благодарю Богородицу за сыночка. Чувства переполняют: так и вижу счастливую светлую будущность у нашего Володеньки, каково бы поприще ни избрал. Чую, пойдёт по следам своего славного батюшки, блестящего воина. Андрюшенька, разлука с тобою тяготит меня, уж как соскучилась, тоскую. А ты не всегда пишешь, милый друг. Каково кушание? Бережёшь ли себя? На Рождество пришлю тебе картинку, в редкие часы досуга изобразила я для тебя наше скромное имение, русскую осень, ветви дерев. Говорят, недурно вышло. Досуг мой невелик, всё дела и дела, хозяйство на мне. Зорька отелилась, а у Светлянки заболело ухо, нарыв, а потом охромела, да и то сказать, старуха. Позвали лекаря, прописал компрессы. Засим, не буду о низком, наскучила тебе. Вот, прочла письмецо, а сие всё о себе да о себе - человек, как кажется, исполнен самоотвержения, а на деле эгоист. Служи честно, возвращайся домой, в объятия своей доброй подруги. Мы тебя с Володенькой уж как ждём! Твоя навеки Ольга.

Часы бьют одиннадцать. Дубровский кладёт письма в карман и со свечой выходит из кабинета.

ДУБРОВСКИЙ. В зале приказные спали на полу. На столе стояли стаканы, ими опорожнённые, и сильный дух рома слышался по всей комнате. *(отмыкает дверь и выходит из дома на крыльцо, встречает Архипа с топором)* Архип? Зачем ты здесь?

АРХИП. Ах, Владимир Андреевич, это вы, господь помилуй и спаси! Хорошо, что со свечою!

ДУБРОВСКИЙ. Что ты здесь притаился?

АРХИП. Хотел... пришёл было проведать, все ли дома.

ДУБРОВСКИЙ. А зачем с тобою топор? Топор-то зачем?

АРХИП. Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники - того и гляди...

ДУБРОВСКИЙ. Ты пьян, брось топор, поди выспись.

АРХИП. Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, бог свидетель, ни единой капли во рту не было. Да и пойдёт ли вино на ум, слыхано ли дело - подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора. Эк они храпят, окаянные - всех бы разом, так и концы в воду.

ДУБРОВСКИЙ. Послушай, Архип, не дело ты затеял.

АРХИП. Никто не спит, батюшка. Все ждут.

ДУБРОВСКИЙ. А няня? Где няня?

АРХИП. В доме. Одета.

ДУБРОВСКИЙ. Поди, приведи её сюда, да выведи из дому всех наших людей, чтоб ни одной души в нем не оставалось, кроме приказных. И вели Антону запрячь телегу. *(Архип уходит)* Все ли здесь?

ГОЛОСА. Все, барин, мы все тут.

ДУБРОВСКИЙ. Несите сено и солому.

Люди обкладывают сеном и соломой дом.

Ну, ребята, огню.

Архип возвращается с няней, открывает фонарь. Дубровский зажигает лучину.

Постой, кажется, второпях запер двери в переднюю, поди скорей отопри их.

Архип проверяет дверь, она открыта, тогда Архип запирает её. Дубровский зажигает сено и солому.

Ну дети, прощайте, иду, куда бог поведет; будьте счастливы с новым вашим господином.

АРХИП. Отец наш, кормилец, умрём, не оставим тебя, идём с тобою.

Дубровский уезжает в телеге. Дом горит и приказные кричат.

НЯНЯ. Ахти! Архипушка, спаси их, окаянных, бог тебя наградит.

АРХИП. Как не так. Теперь всё ладно, каково горит, а? Чай, из Покровского славно смотреть. Славно. Славно!

ШЕФ. Так кто поджёт дом?

СКАЛЛИ. Архип.

МАЛДЕР. Дубровский.

СКАЛЛИ. Они это сделали намеренно. Они хотели убить приказных. Архип вообще с топором стоял. Это намеренное убийство. А Дубровский не хотел, но был в состоянии аффекта. Поддался толпе. Такие случаи бывают: когда изучаешь социальную психологию, начинаешь понимать, что толпа сильно влияет на индивида, заставляет его поступать вопреки своим нравственным нормам и убеждениям.

МАЛДЕР. А письма-то он с собой забрал. То есть, он вынес из кабинета самое дорогое. Значит, хотел поджечь дом.

ШЕФ. Молодец, Малдер, заметил.

СКАЛЛИ. Он был в состоянии аффекта. Представьте, из-за Троекурова погиб его отец, и вот, в день похорон, приезжают эти приказные и отнимают дом, унижают его. В день похорон! И он хочет этот дом спалить, чтобы он не достался Троекурову. Но Дубровский не хочет смерти приказных, поэтому и приказал Архипу отпереть дверь, чтобы все могли выскочить из дома и выжить. Но Архип, наоборот, запер дверь.

ШЕФ. И ты молодец, Скалли, заметила.

МАЛДЕР. Но ведь Дубровский тут же уехал. Он не дождался, когда приказные выскочат на улицу, не убедился, что с ними всё в порядке. Он просто уехал, трусливо. Типа, пусть оно без меня всё само собой делается, а я не злодей, я

ничего не видел. Враньё. Он знал, что люди сгорят в том доме. Но врал себе, что благородный, добрый. Он просто убийца. Убил четырёх человек.

ШЕФ. Давайте проанализуем, что было дальше. А дальше в лесах орудует шайка разбойников, так? Среди них – и кучер Антон, и кузнец Архип, и ещё люди Дубровского, как и сам он. Но грабят они кого угодно, только не Троекурова. Почему?

МАЛДЕР. Да, почему? Вот не понимаю, чё за? По идее, он должен был поджечь и дом Троекурова, как бы отомстить.

СКАЛЛИ. А потому что он не банальный убийца, как ты, Малдер, хочешь его представить. Он выдающаяся личность. Он влюбился. И благородство победило в нём ненависть.

МАЛДЕР. Я не верю в эти сказки. Если ты о Маше, то там другое. Я изучил материалы дела.

ШЕФ. У вас есть свидетели.

МАЛДЕР. Но только давайте я их допрошу, этих свидетелей. Задам прямые вопросы.

ШЕФ. Свидетель Мария Троекурова, дочь Кирилы Петровича Троекурова, 17 лет.

Скалли в роли Маши.

МАЛДЕР. Мария Кириловна, расскажите, пожалуйста, как в ваш дом попал учитель Дефорж.

МАША. В сей день папенька позвал меня к себе, я вошла и увидела этого человека, он был с дороги. Я знала уже, что мы выписали учителя для Саши, чтобы учить грамматике и географии. Саша – мой брат, он от мамзель Мими, но папенька его обожает, и мечтает о хорошем его образовании. Папенька велел мне переводить на французский, сам он не говорит. Велел сказать, чтобы учитель не волочился за дворовыми девушками, а не то... в общем, выразил угрозу. И я сказала учителю по-французски, что отец мой надеется на его скромность и порядочное поведение.

МАЛДЕР. Как вам показался этот француз? Может быть, его лицо было вам знакомо?

МАША. Тогда я не вглядывалась в него. Мне показалось, он эдакой натуральной француз, весьма не русское лицо. Но особенно вглядываться не стала, это же только учитель. Род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не кажется мне мужчиною. До того случая с медведем я его не очень замечала.

МАЛДЕР. Расскажите о случае с медведем.

МАША. Вы, вероятно, знаете крутой нрав Кирилы Петровича. Это всё правда, развлечения его грубы. У нас есть потайная комната, куда папенька сажает временами голодного медведя. Его привязывают верёвкой за кольцо на стене, но так, чтобы он мог ходить по всей комнате и только не доставал чуть до одного угла. И кого-нибудь вталкивают в комнату.

МАЛДЕР. Вталкивают?

МАША. Будто нечаянно вталкивают и дверь запирают. Страсть такая, я всегда молилась, чтобы медведь пощадил того человека. Бывало, гость наш оборванный, до крови исцарапанный выходил оттуда. Кто и сидел от страха. Медведь же прыгает, ревёт. Папеньке нельзя и слова сказать. Уйду, в библиотеке запрюсь и книжки читаю, чтобы не слышать безобразия эдакого. И

учителя втокнули точно так же. Но быстро выпустили. Потому что учитель наш медведя сразу убил.

МАЛДЕР. Убил?

МАША. Убил. У него с собою был пистолет. Вложил в ухо и выстрелил. Папенька думал, что кто-то его предупредил, он за мной послал и стал Дефорж допрашивать, как, мол, что. Но Дефорж сказал, что не слышал о медведе, а просто всегда носит с собою пистолет. И глаза у него так горели, и глядел на меня так дерзко. Я тогда впервые подумала, что он весьма красивый. Папенька велел снять с медведя шкуру, а француза полюбил за смелость.

МАЛДЕР. Какие отношения были между вами и Дефоржем в тот момент?

МАША. Я имею некоторые музыкальные способности, и он вызвался давать мне уроки. Мы прекрасно проводили время. Я имею в виду музыку. Он с своей стороны не выходил из пределов почтения и строгой пристойности. Всё было весьма мило, мы много говорили о книгах. Он тоже читал романы, и я всю папенькину библиотеку перечла. И когда я получила записку, то весьма удивилась.

МАЛДЕР. Записку? От учителя?

МАША. Да, от него. Пришла на урок, как обычно. Он был смущён, сие изумило меня. Я открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дефорж под предлогом головной боли извинился, перервал урок и, закрывая ноты, подал мне украдкой записку. "Будьте сегодня в 7 часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить". Конечно, я давно ожидала признания. Догадывалась. Но, согласитесь, весьма неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить мою руку.

МАЛДЕР. Другими словами, если бы он был дворянин вашего круга...

МАША. Если бы. Ночь была темна, небо покрыто тучами. В двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но я шла в темноте по знакомым дорожкам, и через минуту очутилась у беседки. Тут остановилась, дабы перевести дух и явиться с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже передо мною.

Малдер в роли Дубровского.

ДУБРОВСКИЙ. Благодарю вас, что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если бы на то не согласились.

МАША. Надеюсь, вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

ДУБРОВСКИЙ. Обстоятельства требуют, я должен вас оставить, вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукою я должен с вами объясниться. Я не то, что вы предполагаете, не француз Дефорж, я Дубровский. Не бойтесь, ради бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться - ни за себя, ни за него. Всё кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около вашего дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пересечь ему все пути к бегству. В ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около

садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец, случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастья. Их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни. Сегодня получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня, сей же час. Думайте иногда о Дубровском. Знайте, что он рождён был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда... (*кто-то тихо свистит*) Простите, меня зовут, минута может погубить меня. (*кто-то снова свистит*) Если когда-нибудь несчастье вас постигнет, и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности? (*свист раздаётся в третий раз*) Вы меня губите! Не оставлю вас, пока не дадите ответа. Обещаетесь или нет?

МАША. Обещаюсь.

МАЛДЕР. Но что же заставило его выйти из роли учителя?

МАША. Предчувствие? Дурной сон? Предсказание?

ШЕФ. Спицын. Спицын заставил, Антон Пафнутьевич.

МАЛДЕР. Спицын?

Шеф в роли Спицына.

СПИЦЫН. Толстый мужчина лет пятидесяти с тройным подбородком. Кирила Петрович пригласили меня на Троицу к себе на обедню и откусать. Я рано пустился в дорогу. Да не успел отъехать и десяти верст, вдруг шина у переднего колеса пополам - что прикажешь? К счастью, недалеко было от деревни. Да пока до неё дотащились, да отыскивали кузнеца, да всё кое-как уладили, прошли ровно три часа - делать было нечего. Ехать ближним путем через Кистенёвской лес я не осмелился, а пустился в объезд.

МАЛДЕР. Вы боялись Дубровского?

СПИЦЫН. Его, родимого. Знал бы, где он... Очень опасался я Дубровского. Он у меня уже разграбил один анбар. Но я ожидал, что он меня в покое не оставит, пока две шкуры ни сдерёт.

МАЛДЕР. Но почему? Были какие-то особые причины?

СПИЦЫН. Так не я ли показал, что Дубровские владеют Кистенёвкою безо всякого на то права, а единственно по снисхождению Троекурова. И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски переведаться, сынка-то я и опасался, что, пожалуй, сдержит слово батюшкино. Доселе бог миловал, анбар не в счёт. Ну и припоздал к Кирилу Петровичу на обедню, да и кушанье подали без меня. Кулебяка знатная была.

МАЛДЕР. А учитель Дефорж был за столом?

СПИЦЫН. Вот то-то и оно, что был. Сидел с маленьким Сашей, с этим, которого Троекуров с мамзель прижил. В разговоре участия не имел, потому как по-русски не понимает. Мы тогда думали, что не понимает.

МАЛДЕР. И о чём был разговор?

СПИЦЫН. Как раз поведал я о своей роли на суде, опасения, значит, свои показал. А Кирила Петрович будто и не боялся сего разбойника, шутил с новым исправником, мол, вам Дубровского ловить невыгодно, потому как разъезды,

следствия, подводы, а деньги в карман. А потом спросил всех, где видели Дубровского последний раз? И тут эта Анна Савишна, вдова, молвит: у меня, мы обедали вместе.

Скалли в роли вдовы.

ВДОВА. У меня, мы обедали вместе. Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту с деньгами для моего Ванюши. Сына не балую, да и не в состоянии баловать хоть бы и хотела. Однако, сами изволите знать: офицеру гвардии нужно содержать себя приличным образом, и я с Ванюшей делюсь как могу своими доходишками. Вот и послала ему 2000 рублей, хоть Дубровский не раз приходил в голову, да думаю: город близко, всего 7 вёрст, авось бог пронесёт. Смотрю: вечером мой приказчик возвращается, бледен, оборван и пеш - я так и ахнула. "Что такое? что с тобою сделалось?" Он мне: "Матушка Анна Савишна, разбойники ограбили, самого чуть не убили - Дубровский был, хотел повесить меня, да сжалился, отпустил. Зато всего обобрал - отнял и лошадь, и телегу. Я обмерла: царь небесный, что будет с моим Ванюшею? Делать нечего: написала сыну письмо, рассказала всё и послала ему свое благословение без гроша денег. Прошла неделя, другая - вдруг въезжает ко мне на двор коляска. Какой-то генерал просит со мною увидеться: милости просим. Входит человек лет 35, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, сущий портрет Кульнева, рекомандуется как друг и сослуживец моего покойного Ивана Андреевича: он-де ехал мимо и не мог не заехать к его вдове. Угостила его, чем бог послал, разговорились о том, о сём, наконец, и о Дубровском. Рассказала своё горе. Генерал мой нахмурился. "Это странно, - говорит, - Я слыхал, Дубровский нападает не на всякого, а на известных богачей, но и тут делится с ними, а не грабит дочиста, а в убийствах никто его не обвиняет, нет ли тут плутни, прикажите-ка позвать вашего приказчика". Пошли за приказчиком, он явился. Только увидал генерала, так и остолбенел. "Расскажи-ка мне, братец, каким образом Дубровский тебя ограбил, и как хотел тебя повесить". Приказчик мой задрожал и повалился генералу в ноги. "Батюшка, виноват - грех попутал, солгал". "Коли так, так изволь же рассказать барыне, как всё дело случилось, я послушаю". "У двух сосен, батюшка, встретились мы. Он спросил, чей ты, куда едешь и зачем? А после потребовал письмо и деньги. Я отдал. Он возвратил мне всё - деньги и письмо, да сказал: ступай себе с богом - отдай это на почту". "Ну, а ты?" "Батюшка, виноват". "Я с тобою, голубчик, управлюсь, а вы, сударыня, прикажите обыскать сундук этого мошенника, и отдайте мне его на руки, проучу. Знайте, что Дубровский сам был гвардейским офицером и не захочет обидеть товарища". Деньги нашли. Кучера привязали приказчика моего к козлам коляски. Генерал отобедал и тотчас уехал, увёз с собою приказчика. Нашли на другой день в лесу. К дубу был привязан и ободран как липка.

СПИЦЫН. И Троекуров сказал, что сам будет ловить разбойников со своими домашними. Отрядит человек двадцать, так они и очистят воровскую рощу: народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит. Дальше разговор зашёл о медведе, которого убил Дефорж, так называемый Дефорж. И я подумал тогда: вот кого надо держаться. Этот француз имеет оружие и может защитить в случае чего.

МАЛДЕР. Чего именно вы опасались?

СПИЦЫН. Милостию божию, имел я немного денег. И чтобы не оставлять их дома на разграбление, взял с собою. Положил в кожаную суму, а её на груди повесил, под рубашкою. И опасался, что даст мне Кирила Петрович ночлег на отшибе, куда легко воры залезут, и тогда адью мои денежки. А француз показался храбрым. И вот обратился к нему, мол, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке. Он что-то болтал по-французски, я не совсем понял. В общем, пошли мы ночью к нему в комнату. В соображении безопасности она была так себе: двери запирались одною задвижкою, окна не имели ещё двойных рам. Ну да, бог сохранит нас, подумал я. А он свечку-то погасил, проклятый, ну да ладно, думаю, и так усну, хотя я привык спать только со свечкою. Он захрапел на соседней кровати, потом и я, видно, погрузился в объятия Морфея. Да только среди ночи чую, кто-то дёргает меня за ворот рубашки. Открываю глаза – стоит мой француз, пистолетик в руке. И говорит на чистом русском: тише, мол, я Дубровский. И сумочку мою забирает.

МАЛДЕР. Но ведь тогда Дубровский ушёл от наказания, как ему это удалось? Почему вы его не выдали тут же?

СПИЦЫН. Я страшился сказать Троекурову. Он запугал меня, сей разбойник. Едва удар не хватил, как вспомню... Утром я скоро собрался и уехал. И только после, дней пять прошло, как к исправнику направился и всё ему рассказал.

МАЛДЕР. Хорошо, можете идти. До свидания. Шеф! Алё, шеф!

СПИЦЫН. Антон Пафнутьевич я.

МАЛДЕР. Шеф! Ау! Возвращайтесь к нам!

ШЕФ. Да шучу, шучу. Ну что, детективы, какие мысли?

СКАЛЛИ. Во-первых, я была права: он честный благородный человек. У него большое сердце – он простил своего обидчика, этого монстра Троекурова. И простить ему помогла любовь. Чистая, большая любовь. Он как рыцарь платонически полюбил свою прекрасную даму и служил ей самоотверженно.

ШЕФ. А ты что думаешь, Малдер?

МАЛДЕР. Не понимаю, почему он не увёз с собою эту Машу. Ведь какая была бы красивая месть! Ты увозишь любимую дочь у своего обидчика, крадёшь, так сказать, самое дорогое!

ШЕФ. А дальше что с ней делать?

МАЛДЕР. Да ничего, ну, покрутить роман, а потом обратно к папеньке можно привезти.

СКАЛЛИ. Как хорошо, что Дубровский – совсем другой человек, Малдер, не как ты, совсем другой.

МАЛДЕР. Ага, другой. Почему ты ему веришь, Скалли? Ты ему веришь, как будто ты не детектив, а такая же барышня 17-летняя.

СКАЛЛИ. Он благородный, и об этом говорят не только его слова, но и поступки! Он тогда помог этой вдове...

ШЕФ. Анне Савишне.

СКАЛЛИ. Да, Анне Савишне, помог ей вернуть деньги у вора-приказчика! Он сказал, что не отнимает денег у такого же молодого офицера, как он сам!

МАЛДЕР. Да это же всё показуха, что ты! Он грабил почти всех подряд, сколько там ограбленных было соседей, которые ни сном, ни духом не были врагами Дубровским и не участвовали в захвате дома. И не забывай, Скалли, на его совести убийство четырёх человек.

ШЕФ. Давайте подробнее рассмотрим ситуацию с Машей. Там дальше было продолжение. Давайте послушаем эту свидетельницу снова.

Скалли в роли Маши.

МАША. Весь год не было никаких вестей от Дубровского. Мои размышления, однако ж, касались сей персоны. Его глаза, они появлялись в сладких грёзах. Огонь его слов обжигал. Никому не могла поведать я причину моих слёз, поведать печаль и ожидание. «Кларисса Гарлоу», «Памела» - вот мои подруги, но это только книги. Appetit пропал и папенька беспокоился. Так и жила в скуке безо всякого замечательного случая. И вот в конце мая к нам приехал наш сосед – князь Вере́йский, его поместье – Арбатово - в тридцати верстах от нашего. Князь много путешествовал, и вот вернулся в деревню из-за границы. Однако ж, великая удача встретить в нашей глуши такого светского человека, весьма любезного, с широким кругозором. Хоть он и совсем старик, за сорок, но мне было с ним удивительно приятно. Он непрестанно смешит, и это так мило! Папенька по обыкновению повёл его на псарню, так князь чуть не задохся, приложил платок, опрысканный духами, и ну вон! Уж я так смеялась! Однако же, папенька ужасно доволен остался князем – человек, повидавший самый высший свет, вращающийся в таких кругах, и три тысячи душ имения, две звезды. И потом, весьма любезный, хвалил папенькин сад. А за обедом мы сидели вместе, и он весьма остроумно шутил и прелюбопытно рассказывал о Париже, о немцах и рулетке, я сроду не слыхала подобного! Весьма прискорбно пропадать в глуши, когда вся-то жизнь вертится там, за границею, на балах, на коих бывают особы царской крови и князья. После обеда папенька предложил князю проехаться на лошадях, но тот захотел ехать со мной в линейке, и мы поехали втроём. Было весьма весело, князь говорил мне комплименты. Проехали мы и мимо Кистенёвки, видели погорелое строение, князь сказал, что и на его имение напал Дубровский, пожёг кое-что, что-то разграбил. Однако ж князь такой великодушный, что всё простил. А через два дни мы поехали в гости к князю.

Шеф в роли Троекурова, Малдер в роли Вере́йского.

ТРОЕКУРОВ. Подъезжая к Арбатову, он не мог не любоваться чистыми и веселыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстилался густозеленый луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон.

МАША. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами, и мелькали рыбацьи лодки. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность.

ТРОЕКУРОВ. Как хорошо тут, Маша.

МАША. Уж как хорошо, папенька.

ТРОЕКУРОВ. Глаз радуется великолепию.

МАША. Как в раю.

ВЕРЕ́ЙСКИЙ. Хозяин встретил гостей у крыльца, и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора.

МАША. Какая красивая живопись!

ВЕРЕ́ЙСКИЙ. Сия галерея составлена из картин, купленных мною в чужих краях. Италия, Франция, Фландрия, Голландия. Джованни Батиста Тьеполо – вероятно, ученик Пьяцетты. Крупнейший мастер венецианской живописи XVIII

века. Развивался на произведениях Паоло Веронезе, усвоив себе, между прочим, пристрастие оного к великолепным портикам как месту действия изображаемых событий. Светлые, неполнозвучные аккорды форм и красок и свежие, выхваченные из жизни, фигуры переднего плана. Воздух и свет - жизненные элементы искусства Тьеполо. Вы не находите?

МАША. Да, да! Он говорил о картинах с чувством и воображением.

ТРОЕКУРОВ. Посмотрите, сия прозрачная ягода винограда напоминает ушко молодого поросёнка. Appetit разыгрался.

ВЕРЕЙСКИЙ. Прошу вас, господа, отведайте чем бог послал.

ТРОЕКУРОВ. Троекуров отдал полную справедливость винам и искусству повара.

МАША. А Марья Кириловна не чувствовала ни малейшего замешательства или принуждения в беседе с человеком, коего видала она только во второй раз отроду.

ВЕРЕЙСКИЙ. После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами.

ТРОЕКУРОВ. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивёсельная лодка причалила к самой беседке.

МАША. Они поехали по озеру, мимо островов – и посещали некоторые из них. На одном находили мраморную статую, на другом уединённую пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марьи Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворенное учтивыми недомолвками князя. Время прошло незаметно, начало смеркаться.

ВЕРЕЙСКИЙ. Князь под предлогом свежести и росы спешил возвратиться домой - самовар их ожидал. И просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холостяка.

МАША. Она разливала чай - слушая неистощимые рассказы любезного говоруна. Вдруг раздался выстрел - и ракета осветила небо.

ВЕРЕЙСКИЙ. Князь подал Марье Кириловне шаль, и позвал её и Троекурова на балкон.

МАША. Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх колосьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождём, звёздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась как дитя!

ВЕРЕЙСКИЙ. Князь Вереysкой радовался её восхищению.

ТРОЕКУРОВ. А Троекуров был чрезвычайно им доволен, ибо принимал tous les frais князя как знаки уважения и желания ему, Троекову, угодить.

МАША. Красота-то какая! Как в раю! Красота-то какая! Какая красота! Спустила больше месяца я вышивала в пальцах у окошка. И всё вспоминала сии вспышки огней в небе. Вдруг в окошко тихонько протянулась рука - кто-то положил на пальцы письмо и скрылся. В это самое время меня позвали к папеньке. Я с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу.

ВЕРЕЙСКИЙ. В кабинете Троекурова был и князь.

ТРОЕКУРОВ. Подойди сюда, Маша, скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

ВЕРЕЙСКИЙ. Согласны ли вы сделать моё счастье, Марья Кириловна?

ТРОЕКУРОВ. Согласна, конечно, согласна, но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцалуйтесь и будьте счастливы.

ВЕРЕЙСКИЙ. Марья Кириловна.

ТРОЕКУРОВ. Пошла, пошла, пошла, осуши свои слёзы и воротись к нам веселёшенька. Они все плачут при помолвке, это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле - о приданом.

МАША. Я побежала в свою комнату, заперлась, и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя. Он вдруг показался мне отвратительным и ненавистным. Брак сей пугал как плаха, как могила. Нет, нет, лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского. *(достаёт и читает письмо)* Вечером в 10 часов на прежнем месте. В 10 часов на прежнем месте! *(собирается на свидание)*.

Свидание в саду, ночь. В роли Дубровского Малдер.

ДУБРОВСКИЙ. Я всё знаю. Вспомните ваше обещание.

МАША. Вы предлагаете покровительство. Но не сердитесь - оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помощь?

ДУБРОВСКИЙ. Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

МАША. Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите - я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса.

ДУБРОВСКИЙ. Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнию. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Но как же спасти вас от жестокого отца?

МАША. Ещё есть надежда. Надеюсь тронуть его слезами и отчаянием.

ДУБРОВСКИЙ. Не надейтесь по-пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость, общую всем молодым девушкам. Они плачут, когда идут замуж не по страсти, а из благоразумного расчета. Если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа...

МАША. Тогда делать нечего, явитесь за мною - я буду вашей женою.

ДУБРОВСКИЙ. Соберитесь всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам: представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика! Не отставайте от него, не пугайтесь гнева и угроз - пока останется хоть тень надежды, ради бога, не отставайте. Бедная, бедная моя участь! За вас отдал бы жизнь, видеть вас издали, коснуться руки вашей было для меня упоением. Не смею пасть к ногам вашим, благодарить небо за незаслуженную награду. *(надевает ей на палец кольцо)* Если решитесь прибегнуть ко мне, то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба - я буду знать, что делать.

СКАЛЛИ *(продолжает плакать)*. Не смею пасть к вашим ногам! Не смею. Пасть. К вашим ногам. Ангел.

МАЛДЕР. Скалли, ты как-то удивительно поглупела. До этой истории с Дубровским ты была умнее, точно тебе говорю.

СКАЛЛИ. Да что ты понимаешь в большой любви.

ШЕФ. Ну что, обсудим?

МАЛДЕР. Обсудим, конечно. Пусть сначала Скалли выскажется.

СКАЛЛИ. Я продолжаю настаивать на своей версии: это честный человек с высокими помыслами. Он уважает Машу и отказывается от мести ради любви – теперь мы видим, что он пощадил Верейского, потому что Маша попросила. А мог бы просто убить его, например. Он всегда рядом с Машей, всегда готов ей помочь. Благородный рыцарь.

ШЕФ. А ты что думаешь, Малдер?

МАЛДЕР. А я думаю так: не нужна была ему эта Маша. Ну то есть, конечно, нравилась, и он бы не прочь с ней замутить, но ведь она же дворянка, на ней жениться надо, чтобы замутить. А жениться он не готов, это же понятно. Он же так и говорит: мол, бедная моя участь! И горячо уговаривает её пойти к папеньке и просить-просить, в ногах валяться. Потому что некуда ему везти жену, нечего ей предложить. Он бомж, и нет дома у него и ни сегодня-завтра схватят его и в острог посадят, какая жена? Она же сама от него на другой день сбежит. Была бы крестьянка – может, и согласилась бы, но не дворянка, не дочь богатого помещика.

СКАЛЛИ. Но она любит его! Ради любви она бы согласилась!

МАЛДЕР. Да не любит она его, Скалли, я тебя умоляю. Год спокойно жила, и только вспомнила о нём, когда от князя убежала. Она же так и сказала: мол, лучше умереть, лучше в монастырь, ну или за Дубровского. То есть, умереть и за Дубровского у неё в одном ряду. Это не любовь, Скалли. Это отчаянье.

СКАЛЛИ. Ну он её любит!

МАЛДЕР. И он не любит. Не по зубам она ему. Мог бы увезти тут же, в тот же вечер, а он колечко суёт. Причём, заметьте, колечко явно из награбленного. Мелкий фраерок такой.

СКАЛЛИ. Мелкий фраерок? Да он...

МАЛДЕР. Опять про Робин Гуда будешь втирать? Робин Гуд отдавал награбленное у богачей беднякам. Можно отдавать на благотворительность, больным детям, домам престарелых. Но твой Дубровский не отдавал никому. Они всё забирали себе, вся эта шайка. Обычный мелкий бандит. И четыре убийства, не забывай.

СКАЛЛИ. Да не забываю я!

ШЕФ. Ну что, история наша близится к завершению. Давайте посмотрим, какие же поступки совершил наш герой, потому что только по ним можно судить о человеке. Что нам слова?

Маша в своей комнате, к ней входит Верейский.

ВЕРЕЙСКИЙ. Добрый вечер, Мария Кириловна.

МАША. Ах, князь, располагайтесь.

ВЕРЕЙСКИЙ. Благодарю. Я вижу, что последнее время вы холодны со мной и принуждённы. Свадьба готовится уже много времени, почти полгода, и всё сие время вы почти не говорите со мною. И вот вчера я получаю от вас письмо. Вы откровенно признаётесь, что не имеете ко мне ни малейшей привязанности, умоляете отказаться от вашей руки.

МАША. Вы согласны на это?

ВЕРЕЙСКИЙ. Письмо очень меня опечалило. Но я надеюсь со временем заслужить вашу привязанность, мысль её лишиться слишком тяжела, и я не в силах согласиться на свой смертный приговор. Засим прощаюсь.

Верейский целует руку Маше и уходит. Входит Троекуров.

МАША. Папенька?

ТРОЕКУРОВ. Будь готова на послезавтрашний день. Свадьба послезавтра.

МАША. Папенька! Не губите меня, я не люблю князя, не хочу быть его женою!

ТРОЕКУРОВ. Да? До сих пор молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, вздумала капризничать и отречься? Не изволь дурачиться - этим со мною ничего не выиграешь.

МАША. Не губите меня!

ТРОЕКУРОВ. Всё это вздор, вздор, вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слёзы не помогут, послезавтра свадьба.

МАША. Папенька, послушайте, если уже вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вот увидите, ужаснетесь, до чего вы меня довели!

ТРОЕКУРОВ. Что? Что ты там бормочешь?

МАША. Я позову Владимира Дубровского.

ТРОЕКУРОВ. Добро, жди себе кого хочешь в избавители, а покаместь сиди в этой комнате, ты из неё не выдешь до самой свадьбы.

Троекуров выходит и запирает комнату.

МАША (*кричит в окно*). Саша! Саша, дружок! Подойди к сестричке. Знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки? Так если меня любишь, сбегай туда поскорей, и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал. (*бросает Саше кольцо*)

Машу одевают невестой и привозят в церковь. Священник начинает обряд венчания.

МАША. Я ничего не видала, ничего не слыхала. В церкви холодно, и рука моя посинела. Дубровский так и не приехал за мною. Священник спрашивает меня о чём-то. Не хочу отвечать. Не хочу отвечать. Венчается раба божия Мария рабу божию Сергею, во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Господи, боже наш, славою и честью венчай я. Холодный поцалуй. Поздравления. На паперти крестьяне Дубровских. Вот и всё.

Маша и Верейский едут в карете.

ВЕРЕЙСКИЙ. Мария Кириловна, я понимаю ваше состояние. Но оно пройдёт. Вы привыкнете. Мы будем чудесно проводить время, кататься в лодке, смотреть картины из моей галереи, гулять по саду. Это летом, а ныне поедем в путешествие. Надеюсь, вы составите мне компанию? Париж, Рим, Неаполь, потом на воды – Баден-Баден. Дорогая, вы тут просто зачахли в этой скуке. Мы будем вместе наслаждаться красотой божьего мира. То, что было у вашего папеньки на полках его пыльной библиотеки, то вы узрите воочию. Ну же, улыбнитесь. Дорогая, я так счастлив.

На карету нападают разбойники, человек в маске открывает дверь.

ВЕРЕЙСКИЙ. Что это значит, кто ты такой?

МАША. Это Дубровский.

Князь стреляет в Дубровского, и тут же разбойники отбирают у него пистолет и выносят из кареты. Маша и раненый Дубровский остаются одни.

ДУБРОВСКИЙ. Вы свободны.

МАША. Нет. Поздно. Я обвенчана, я жена князя Верейского.

ДУБРОВСКИЙ. Что вы говорите, нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться.

МАША. Согласилась, дала клятву, князь - мой муж, прикажите освободить его, и оставьте меня с ним. Я ждала вас до последней минуты. Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

ДУБРОВСКИЙ (*разбойникам*). Отпустите его.

Дубровский теряет сознание, разбойники увозят его.

МАША (*Верейскому*). Князь, как вы? Они не тронули вас?

ШЕФ. Из протоколов исправника. (*читает*) Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбой Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его мёртвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ими не было. Архип, бывший кузнец, показал, что несколько дней до того Дубровский собрал всех своих сообщников и объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни. “Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет документ, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдаленную губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло”. После сей речи он уехал. Никто не знает, куда он девался. Сначала мы сомневались в истине сих показаний, потому как приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении. Но последствия их оправдали - грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим источникам есть сведения, что Дубровский скрылся за границу.

СКАЛЛИ. Она просто не любила его.

МАЛДЕР. И выбрала то, что нужно. Всякий нормальный человек поступил бы так на её месте.

СКАЛЛИ. А если бы он успел? Если бы он успел украсть её из церкви?

МАЛДЕР. Конечно, успел бы. Если бы хотел. Но он не мог себе этого позволить.

ШЕФ. Маленький человек. Обычный человек. Никакой не романтический герой. Просто парень, который запутался.

МАЛДЕР. А хочет казаться. Мечтает.

ШЕФ. Все хотят успеха, все хотят любви.

СКАЛЛИ. Интересно, что у этой Маши с Верейским?

ШЕФ. Да всё хорошо, у неё такая интересная жизнь началась, всё нормально. Женой уголовника быть – такое мало кто выберет, а женой богатого честного человека – другое дело. Ну что, сдали вы экзамен. Всё, ставлю вам допуск.

СКАЛЛИ. Это надо отметить. Только настроение ни к чёрту.

ШЕФ. Это вы без меня, я домой, там жена ужин приготовила.

МАЛДЕР. Скалли, а пойдём в кино. У тебя же нет никого? И у меня. Давай возьмём один попкорн на двоих. Пока, шеф. Ты какой любишь: сладкий или солёный?

Скалли и Малдер уходят.

СКАЛЛИ. Я обычный человек. Маленький человек.

МАЛДЕР. Так и я. Мы все маленькие люди, даже самые умные. Вот шеф рассказывал про того парня, Акакия Акакиевича, который на шинель копил. Мы с мамой тоже копили мне на зимний пуховик. Бедно жили. Папа умер. И ничего, накопили, а потом мне его в драке порвали, пуховик, пришлось выкинуть. Тоже пережили мы это. Выучился, теперь нормально зарабатываю, на пуховики хватает. Все великие люди были совершенно обычными в каком-то смысле. Слышала, есть такой Перельман? На мамины пенсии жил, молоком да хлебом питался, пешком ходил и выглядел как бомж в своём пуховичке. А гений, математик, Нобелевскую премию дали, но он отказался, правда. Вот это реально необычно. Слушай, ну это реально необычный поступок, Скалли.

СКАЛЛИ. Малдер, я тебя обожаю.

КОНЕЦ